

Глава 20

Жена старосты отнесла вещи в комнату Линь Яня, взяла его за руки и вытерла слёзы с его щёк.

— Ну что ты, дитя, в такой радостный день плачешь? Увидит твоя тётушка, подумает ещё, что мы тебя здесь обидели.

Линь Янь всхлипнул.

— Я плачу от счастья. Вы с дядюшкой старостой так мне помогли... Я даже не знаю, как вас отблагодарить.

— Не нужно нам никакой благодарности. Твой дядюшка когда-то учился у твоего деда. Как говорится, учитель — что отец на всю жизнь. Твой дед рано ушёл из мира, так что заботиться о тебе — наш долг. Или ты хочешь, чтобы мы прослыли бессердечными людьми?

Юноша понимал, что она пытается его утешить.

«Она просто хочет подбодрить меня. Но если кто-то проявит ко мне хоть каплю доброты, я отплачу вдесятеро. Пока же это лишь пустые слова».

Линь Янь лишь благодарно кивнул.

— Тогда спасибо вам, дядюшка и тётушка.

— Вот и правильно, — похлопала она его по руке. — А теперь я пойду сварю тебе яйцо и покатаю по лицу, чтобы завтра не было отёков.

На улице темнело. Лу Шуан ушёл куда-то вместе со старостой, и Линь Янь остался в комнате один, погружённый в свои мысли.

Он просидел так довольно долго. Лишь когда во дворе снова послышались голоса, юноша очнулся. В голове всё ещё царил сумбур.

— Тётушка! Где братец А-Янь? Я принёс вам мяса!

Это был голос А-Мяня.

Супруга старосты тут же выглянула из кухни. Увидев крошечного А-Мяня с большой миской в руках, она вытерла руки о фартук и поспешила к нему.

— Ты один пришёл?

Хотя в деревне и не водилось дурных людей, но уже смеркалось, а он был ещё совсем маленьким гэ'эром. Мало ли у кого какие помыслы на уме.

Малыш покачал головой.

— Мы со старшим братом пришли. Он сказал, что ему сейчас нельзя видеть братца А-Яня, поэтому ждёт меня у ворот.

Женщина посмотрела в указанном направлении и, заметив тёмную фигуру, успокоилась.

— Твой братец А-Янь в комнате у братца Шуана, иди поговори с ним.

— Хорошо!

Хозяйка дома с улыбкой покачала головой, глядя, как маленький крепыш вприпрыжку бежит к дверям.

Матушка Лу родила его уже в зрелом возрасте, и роды были тяжёлыми, поэтому в семье его очень любили. Однако он не вырос избалованным. Увидев в деревне кого-нибудь из старших, он всегда вежливо и звонко здоровался.

Гэ'эров его возраста было немного, поэтому с родственниками он был особенно близок.

Вздохнув, тётушка понесла мясо на кухню.

Линь Янь, слышавший их разговор, вышел навстречу гостю.

— А-Мянь!

— Братец А-Янь! Ты послезавтра вернёшься домой? Я так по тебе соскучился! — Малыш вдруг заметил его покрасневшие глаза. — Тебя старший брат обидел, поэтому ты пришёл к тётушке? Ты плакал?

Маленькая ручка А-Мяня, мягкая и тёплая, коснулась его лица.

Линь Янь, смеясь, поймал его ладошку.

— Старший брат меня не обижал. Просто мы скоро поженимся, а за три дня до свадьбы нам

нельзя видаться, поэтому я пока живу у старосты.

— Тогда почему у тебя глаза красные? Тебя братец Шуан обидел? — А-Мянь вдруг вспомнил, что Лу Шуан частенько над ним подшучивает. — Я всё расскажу Лу Хэмину, братец Шуан больше всего боится моего старшего брата!

Линь Янь рассмеялся.

— Нет...

— Ах ты, маленький негодник, сплетничаешь за моей спиной? — раздался сзади голос Лу Шуана.

А-Мянь сердито посмотрел на него. Гэ'эр Шуан со смехом ущипнул его за щёку.

— Это не я его до слёз довёл. Он скоро выйдет замуж за твоего старшего брата, вот и плачет от счастья!

Линь Янь бросил на него укоризненный взгляд.

— Не учи ребёнка плохому. — Затем он освободил пухлую щёчку А-Мяня. — Ну всё, беги домой! Через два дня увидимся.

Малыш кивнул, потёр лицо и пошёл к выходу, по пути попрощавшись с хозяйкой дома.

На улице Лу Хэмин разговаривал со старостой о свадьбе. Увидев А-Мяня, он протянул руку, и тот послушно ухватился за его палец.

Староста не стал их задерживать.

— ...Ну ладно, идите ужинать, а если что, завтра поговорим.

— Хорошо, мы тогда пошли. А вы ужинайте скорее.

Староста с довольной улыбкой посмотрел им вслед. Хороших детей воспитали.

По дороге А-Мянь заговорщицки обратился к брату:

— Старший брат, я тебе кое-что скажу.

Лу Хэмин, вспоминая смутный силуэт в дверях, рассеянно ответил:

— Что же?

— Братец А-Янь плакал от счастья, потому что выходит за тебя замуж.

Мужчина замер.

— ...Что ты сказал?

— Братец А-Янь так счастлив, что выходит за тебя, что даже заплакал.

Все мысли в голове Лу Хэмина мгновенно разлетелись. Осталась лишь одна фраза.

«Выйти за тебя — такое счастье. Заплакал от счастья».

Улыбка на его губах расцвела сама собой.

***

Следующий день для Линь Яня выдался суматошным. Матушка Лу прислала людей, которые принесли два больших сундука, сказав, что завтра их заберёт свадебная процессия. Что внутри, он даже не посмотрел.

Постоянно приходили и уходили люди, давая ему бесконечные указания. Он всё запоминал смутно и пришёл в себя, только когда уже сидел перед зеркалом для обряда очищения лица.

Сонливость как рукой сняло.

Очищение лица нитью делали не только для красоты. У этого обряда был глубокий смысл: для гэ'эра или девушки он символизировал переход к замужней жизни, перерождение в нового человека.

Проводить его мог не каждый. Для Линь Яня пригласили бабушку из семьи Ван, цюаньфу фужэнь из деревни Шанхэ, у которой была дружная семья, любящий муж и много детей.

— Первая нить открывает лицо,

— Вторая нить покрывает обе стороны,

— Третья нить — к рождению благородных сыновей,

— Четвёртая нить — к рождению чжуаньюаньлана.

Хоть это и был благословенный обычай, но когда волоски на лице безжалостно выдёргивали нитью, юноша не мог сдержать гримасы боли.

— А вот и яйца с коричневым сахаром, для сладкой и гладкой жизни!

Жена старосты принесла Линь Яню миску с угощением. Вчера она предупредила, что сварит побольше, потому что в следующий раз он сможет поесть только после окончания свадебной церемонии.

Линь Янь не собирался морить себя голодом и с аппетитом принялся за еду.

Обычно на свадьбу к гэ'эру приходили его друзья, чтобы проводить его и сказать напутственные слова. Также собирались тётушки и соседки. Ведь они видели, как ребёнок рос, и в такой важный день хотели быть рядом.

Хотя ситуация Линь Яня была особенной, но из уважения к старосте и просто потому, что свадьба — это радостное событие, людей собралось немало. Многие хотели приобщиться к веселью.

Во дворе резвились дети, а в комнате Лу Шуан и жена старосты вместе с гостями наблюдали, как Линь Яню накладывают макияж.

Линь Янь и без того был хорош собой, а за месяц в доме Лу он окреп, на щеках появился румянец, и глаза засияли ещё ярче. Макияж лишь добавил его облику изысканности.

— Гэ'эр Янь просто загляденье, а с макияжем и вовсе глаз не оторвать.

— Это всё потому, что в семье Лу о нём хорошо заботятся. Помните, какой он был, когда только появился в этом дворе?

— Да-да, этому гэ'эру повезло. Если бы он тогда не встретил парня из семьи Лу!

— Да и Лу Хэмину повезло. С таким красивым супругом и еда вкуснее покажется.

Хозяйка дома со всеми соглашалась, поддакивая каждому комплименту.

***

Линь Янь понимал, что все говорят это из добрых побуждений, и молча слушал, лишь изредка с трудом сдерживая улыбку.

Лу Шуан тихонько прошептал ему на ухо:

— Так рад, что тебя красавцем называют?

Юноша бросил на него многозначительный взгляд, но промолчал.

Мастерица нарисовала ему между бровей свадебную родинку, и на этом макияж был почти закончен.

Линь Янь отвёл со лба выбившуюся прядь. Одна из тётушек тут же уставилась на его запястье. Точнее, на серебряный браслет.

— Как же семья Лу балует этого гэ'эра! Браслет-то серебряный, и нелёгкий, поди, ляна два весит.

— Ох, а узор-то какой тонкий!

Все тут же вспомнили о тех коробах во дворе и вновь заговорили о достатке семьи Лу.

***

Линь Янь пристально смотрел на своё отражение в бронзовом зеркале. Он и впрямь выглядел иначе.

Женщины в комнате постоянно сменяли друг друга, поток гостей не иссякал. И каждая, кто входил, непременно хвалила красоту Линь Яня. Жена старосты тоже светилась от радости и щедро раздавала сладости, совсем их не жалея.

После макияжа нужно было ещё уложить волосы. Вся процедура заняла почти четыре часа, и у юноши нещадно затекла спина.

Тут кто-то сказал:

— Семья Лу уже отправилась в родовой храм. Судя по солнцу, скоро будут здесь.

У Линь Яня наконец появилась надежда.

Здесь свадьбу называли «вечерней церемонией», и благоприятным временем считался закат. Но в деревне ложились спать рано, поэтому обычаи немного отличались.

Лу Шуан помог другу поправить свадебный наряд и усадил его на край кровати. Только что пришла весть, что процессия уже в пути. Жена старосты достала красный свадебный платок, который приготовила матушка Лу.

Покрывало вышила сама матушка Лу. По обычаю, это должна была делать мать гэ'эра или он сам, но Линь Янь не умел, и она взяла это на себя.

Хозяйка дома взяла платок и ещё раз внимательно посмотрела на юношу. Хоть он и не был ей родным сыном, но в сердце защемило, словно она выдавала замуж собственного ребёнка.

— Пусть все твои беды останутся позади, гэ'эр Янь. Отныне тебя ждёт только счастье.

Издалека донеслись звуки соны. Женщина аккуратно накрыла его лицо красным платком.

— Жди здесь, я пойду встречать.

Её голос дрогнул, и чувства Линь Яня, до этого дремавшие, внезапно проснулись. Звуки соны становились всё ближе и ближе. Сердце его забило в бешеном ритме.

Он женится. В этом незнакомом мире.

В комнате остались только он и Лу Шуан, остальные высыпали на улицу ловить удачу. Почувствовав волнение друга, Лу Шуан крепко сжал его ладонь.

— Нервничаешь?

Линь Янь молча кивнул. Тот негромко рассмеялся.

— А я смотрел на тебя все эти дни и думал, что ты совсем не волнуешься.

Как же ему было не волноваться?! У него даже руки дрожали.